

ИГОРЬ ЛАЗУНИН

ХИМСОСТАВ ПРЕДЧУВСТВИЯ

СТИХИ

Санкт-Петербург
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (Рос=Рус) 6-5

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
с средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Издание Санкт-Петербургского отделения
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Игорь Лазунин
Химсостав предчувствия. Стихи - СПб.: 2017. - 108 стр., илл.

ISBN 978-5-4380-0186-7

Редактор - Роман Круглов
Художественное оформление - Савина Ксения
Фотограф - Светлана Михальцова
Техническая вёрстка - Екатерина Дедух

Лазунин Игорь Анатольевич - петербургский поэт. Родился в городе Жданов в 1975 году. Получил среднетехническое образование в Мариупольском индустриальном техникуме (1990 - 94 гг.). С 1998 г. проживает в Санкт-Петербурге. Работает сварщиком в мостостроительном отряде.

Член Союза писателей России с 2007 г.

Автор четырёх поэтических книг: «Чужие сны» 2003 г.; «Лёгкая атлетика» 2006 г. (в соавторстве с К. А. Пасечником); «Макет весны» 2009 г.; «Путеводитель по бездорожью» 2014 г. Публиковался в периодических изданиях России и ближнего зарубежья, а так же в коллективных сборниках. Участник первого Международного форума молодых писателей России и Китая, участник Международного литературного фестиваля в Нови Сад (Сербия). Переведён на румынский, китайский, сербский и французский языки.

ISBN 978-5-4380-0186-7

© Союз писателей России
(Санкт-Петербургское отделение), 2017
© Лазунин И.А., текст 2017
© Савина К.И., дизайн, текст 2017
© Михальцова С.А., фото 2017

ИГОРЬ ЛАЗУНИН

ХИМСОСТАВ ПРЕДЧУВСТВИЯ

СТИХИ

Зима быстрее копится,
Чем убывает осень.
Куда весь мир торопится,
Когда его не просят?

Судьба дебильным юмором
Налита, словно соком.
И мне, такому юному,
Уже, зачем то, сорок.

Жизнь не мычит, не телится,
И ничему не учит.
И всё, что может делаться,
Не делается лучше.

Парк. Неземная погода.
Лето размякло, аурея.
Мордой зарылся в деревья
Ветер лохматой породы.

Ты на подстилке под вязом
Вместе с учебником скучным.
Я, как обычно, послушно
К дереву цепью привязан.

И наблюдал под уклоном
Вырез футболки в цветочек,
Где исчезала цепочка
С крестиком или кулоном...

Прошлого лета виденья
Светятся в чёрном чулане
Так, что порхает по раме
Дрожь от руля до сиденья.

Мы счастье раздобыли
Не опытным путём.
Что в нас не раздолбили,
То скрючили гнутьём.

Мы больше чем довольны,
Мы дышим не всерьёз.
Нас унижают больно
До злого смеха слёз.

На нас не счесть зарубок,
И жизни жёсткий крест
Берёт нас очень грубо,
Но в этом что-то есть.

Прямо над улочкой узенькой,
Не отовсюду видна,
Брызжет классической музыкой
Свежая рана окна.

Кто там за шторкою бежевой,
Сам становясь сквозняком,
Скачет по клавишам бешено,
Как по стеклу босиком?

Звуков лихих авиация
Мёртвые петли чудит.
Входит в пики вариация,
И никого не щадит.

Мне же приятнее немощный
Звук, будто полунамёк.
Мне позволяет быть мелочным
Сердца тугой кошелёк.

Твой нимб не виден в свете фонаря.
Мои копыта спрятаны в ботинки.
Ты с неба ускользнула втихаря,
В карикатурном образе блондинки.

Горелым маслом от меня разит.
Затерты обшлага экипировки.
И мы сидим, как парочка разинь,
Под пластиком трамвайной остановки.

С оглядкой поцелуемся, в простой
Привязанности – вкус былого счастья...
И развестись, и жить не с тем, не с той,
Чтоб вечно крадучись встречаться.

РАСТРЁПАНЫЙ СТИШОК

44

В этом стихотворении нет интриги.
В нём даже размера толком нет.
Оно об оформителе моей книги.
О девушки семнадцати лет.

Вся взросłość её по-детски настырна.
Она целуется так, как вступают в борьбу.
Так, как будто бы ей будет стыдно,
Если она не откусит мою губу.

Бывает вино со мной после школы.
Иногда чего покрепче баxнет.
Она прощает мне такие проколы,
За которые другая бросила б на хрен.

То перед другими, как будто бы та ещё,
Выпячивает немаловажную грудь.
Или, не помня, заснёт у товарища,
И окурком прожжёт там чего нибудь.

А то вдруг: «Старость, куда деваться!
Вся забава на солнце тихо замлеть!»
Намекает на то, что уже лет двадцать
Мне надо, по-честному, гнить в земле.

То, как взрослая, руки кладёт мне на плечи.
То хороший коньяк обзывают палёнкой.
Такой вот самостоятельный птенчик.
В будущем мать моего ребёнка.

Нас выдавал сверчок дверной петли,
Когда с тобой с большою долей риска,
Мы к счастью приближались слишком близко,
И половицы ступни нам пекли.

Мы приглушали свет в своей звезде,
Боясь соседей. И великий Боже,
Ты напу обувь прятал из прихожей,
Но всё равно все знали, что мы здесь.

И нас в постыдном уличить стремясь,
Они клубились у дверей роями.
А мы, под утро уходя, роняли
Трамвайные билетики, смеясь.

И подхватив оброненный клочок,
Они гурьбой к помойке высypали,
И там ругались в радостном запале,
Стучав ведром о мусорный бачок.

Как им хотелось смерть на нас навлечь,
А вышло, что прицельно, не жалея,
Из пушечных стволов аллеи
Летела в нас зелёная картечь.

ПОЗДНИЙ УЖИН

Мне, голодавшему день,
В пальцы, разбитые дрожью,
Сонная женщина вложит
Сочные груши грудей.

Значит к своей не пойду,
Хоть и не голодно с нею.
Я-то ведь знаю – вкуснее
Фрукты в соседском саду.

Наталье М.

Я хотел бы с тобой погулять по замёрзшей реке,
Чтоб всё было банально, чтоб смех и рука в руке.

Чтобы ветром взъерошенный дым из котельной трубы,
Походил на коня, что пред нами встаёт на дыбы.

Чтобы точно как в сказке: всё так и немножко не так.
И снежком за полсотни шагов попадали в пятак.

И цепочка следов за спиной говорила б о том,
Что мы очень уж близко, друг к дружке прижавшись, идём.

Чтобы наш разговор ни о чём в облачках из простуд,
Растворялся в сопенье КамАЗов вверху на мосту.

«Ну, о чём ты? Какая ключица, лодыжка, лобок –
Если любишь, тогда человек человеку – Бог».

Снегопад остаётся на вязаных наших венцах.
Гуттаперчево радость пружинит в весёлых сердацах.

Мы настолько близки, что для нас эта жизнь ерунда.
И чужими нам стать не составит большого труда.

Как жук лежащий на спине,
Костёр раскидывает лапки.
Поразевали рты палатки.
Река скребётся в глубине.

Поклёвки никакой, зато
Кукушки ловятся на слове,
И возвращаться в город с воли,
Хоть надо, не спешит никто.

Где глубина за камышом
Хранит нехитрые трофеи,
Одна подвыпившая фея
Бежит купаться голышом.

Она, как будто для меня,
С водою дружит нараспашку.
А мне холодные мурашки,
Хоть отвернись, а не унять.

И муж её смотрел всерьёз
В лицо мне, как в прицел винтовки...
Потом отдал свою ветровку,
Решив, что я и впрямь замёрз.

В спину скомканной газетой
Улица плюёт.
Листья носятся над «зеброй»
Задом наперёд.

Чинно катятся окурки
По своим делам.
У меня конькак под курткой,
Где-то триста грамм.

Я задвинул день работы
Смело и легко.
И пошли мои заботы,
Скажем, далеко.

Спит мой внутренний диспетчер –
Лучше не будить.
Я беспочвенно беспечный –
Так тому и быть.

Соберу что есть, что было,
Выброшу всё на....
Потому что разлюбила
Женщина одна.

Под лёд, как будто под сукно,
Январь следы прогулок прячет.
Подслеповатое окно
Он делает почти незрячим.

Но всё же можно рассмотреть
С высот своей пятиэтажки,
Что город в белое одет
И, что ему идёт в обтяжку.

Не так давно без рукавиц,
В какой-то минус небывалый,
И мы парили легче птиц
Над перекрестьями бульваров.

Но я теперь летать отвык,
И вспоминаю отрешённо –
Над крышами твой пуховик
И треугольник капюшона.

Стояла, нага и проста,
Будто пламя свечи у иконы.
Сжимала перстами хрусталь
И смотрела на хлам на балконе.
Окно превращалось в янтарь,
Свет скользил по твоей пояснице.
Ты сказала, стараясь не злиться, —
«Теперь-то ты понял: я — та,
На которую глупо молиться».

Я сам люблю всегда на зеркало пенять.
И вот, хотя мы далеко не звери,
Мне твоего непониманья не понять,
И твоего аршина не измерить.

Огонь замолк, фонтан потух, запал иссяк.
От праздника – с помоями корыто.
И ты, моя богиня, выверилась вся,
Как выветрилась из дупши открытой.

Улыбка натянута будто капрон,
Стесняются губы решимости голой.
И вложен прощального слова патрон
В пристреленный ствол напряжённого горла.

Но в горле, дрожащем от страха, першил –
Осечка. А значит никак не расстаться...
Прожили, не чая друг в друге души,
Еще лет пятнадцать. И выстрел раздался.

Пережив боязнь и восхищенье,
Как я наши чувства воскрешу?
Ведь твоё прощанье, как прощенье
Тех грехов, что я не совершу.

Пусть совсем не грела, но лучилась
Тонким светом нежности звезда.
Наше счастье только отлучилось,
А мы сразу дёру, кто куда.

Нас не дождутся книга и вязанье.
Опять с тобой всю ночь обречены
О пепельное блюдечко луны
Тушить окурки тягостных признаний.

Провинциально восклицать: «Не так ли
Судьба висит, как чёртик заводной
На сломанной пружине, заодно
С ружьём в трагикомическом спектакле?».

Нам не дадут заученные роли,
Ни,бросив всё, со сцены убежать,
Ни тщетно лгать, ни честно выстрел ждать,
Когда для боли не хватает боли.

Не психовала, не била тарелки.
Только смотрела с безумьем в глазах,
Как, конвульсируя лапкою стрелки,
Вышла на нет батарейка в часах...

Пережила. Перестал быть Голгофой
Мир без него. В сердце прибыло сил.
Даже милы стали старые гольфы –
В них он её больше жизни любил.

Прям для кунсткамеры рождён
Скелетик наших отношений,
Не знавший искренних движений,
Заформалиненный дождём.

И наш предательский покой,
Я нахожу смешным, а ты как?
В нас каждый встречный может тыкать
Незанятой зонтом рукой.

Нас жизнь сама слила в одно
Преотвратительное чудо:
Целующий себя Иуда
Под порошковое вино.

Захлебнулись в порыве молчанья,
Видно воздуха нет в голосах.
Слышно нам, как не спится ночами
Шестерёнкам в настенных часах.

Наше кислое счастье на клюкве
Недопито ни мной, ни тобой.
Держит аист в прокуренном клюве
Нашу свежерождённую боль.

Немота прилипает как пластырь,
Даже, если б хотел, не сорвал...
Позже будем любовникам хвастать,
Кто упрямей и злей тосковал.

Сердечен был грозы размах.
Прохожие играли в прятки.
Промокли на балконе тряпки
И ливень клокотал в потьмах.

Насквозь, казалось, протыкал
Он стёкла кухни. Бил как профи.
И даже тупевался кофе
На поворотах кадыка.

Под толщею ночных глубин
Закрыло нас в квартире лето.
И крем вишнёвого рулета
Мерцал не хуже, чем рубин.

Что целый мир в грозе погряз,—
Для нас нежданная услуга.
Ведь мы делили этот угол
В последний раз, как в первый раз.

Залихватская девочка, ты выкидным язычком
Вытворяешь такое, куда там другим, с перочинным.
И в тебя, как в колодец, повадились падать ничком
С перерезанным сердцем мужчины.

Аккуратней облизывайся и смотри не порань
Свой, вишнёвый на цвет с нержавеечным привкусом, ротик.
Сколько раз упускал я возможность сказать: «Не пора ль
Позабыть про мораль, от которой обоих воротит.»

Я боялся молиться другим, ты была мой тотем.
Я послушно стоял привидением за занавеской,
Без малейшего шрама, и очень завидовал тем,
Кого ты превращала в нарезку.

Ты долгожданная, из всех особая.
Прекрасна, будто бы о чуде весть.
Моё ты ненаглядное пособие
По вере в то, что в жизни счастье есть.

Хоть я не проникал к тебе в исподнее,
Ведь был к себе невероятно строг –
Тебя так нескрываемо испортили
Мои слепые радость и восторг.

На том и кончились пустые хлопоты.
Мой детский праздник сразу же притих.
Как будто невпопад хлопушку хлопнули,
И стало бесполезным конфетти.

Мы ломали комедию, словно детишки игрушки.
По квартире клубились слова, будто пух из подушки.

Веселясь, разбрасали семейного счастья конструктор,
И дивились, как падали на пол детали со стуком.

Ты сломала машинки, а я – всех напудренных кукол.
Даже кот не лизал ничего, только грустно мяукал.

Что осталось? От куклы нога и фрагмент ягодицы.
И пружинка в кармане, которая не пригодится.

Мой умный ангел, ниспошли
Освобождение от чуда.
Как ты умеешь – кротко, чутко,
Чтоб вновь коснулся я земли.

Чтоб снова жизнь налипла на
Души рифлённую подошву.
Чтоб насладиться мне подольше
Тем, что ты больше не нужна.

Освобождай изо всех сил.
Внушай, всю нежность напрягая,
Что ты не лучше чем другая,
Чтоб я быстрее разлюбил.

Я к тебе обращаюсь на Вы,
Будто не было долго и часто,
Непонятного детского счастья
Под мечтательный шёпот Невы.

И не мы на растрёпанный дождь
В забытьи натыкались с размаху.
Не над нами, как чокнутый зناхарь,
Колдовала любовная дрожь.

Нет, не стала ты тем дорогим,
С чем душа породниться б мечтала.
Потому что всегда было мало
Мне того, что хватало другим.

Вдали Нева облизывает крепость.
Мы вместе – это страшная нелепость.
Но, кажется, что если жить с умом,
То счастье к нам приложится само.

Иначе незачем бродить по Стрелке,
Где мы в одной, но не в своей тарелке,
Где спрятан в красных тюбиках огонь,
И сумрак переливчат как гармонь.

Взаимные упрёки подытожа,
Не паникуй. Мы сильные, мы сможем,
Чтоб неразлучными остаться впредь,
Бояться, ненавидеть и терпеть.

ЛЮБЛЮ

Заводишь терзанья и муки,
Как будто щенка или кошку.
Печёшься о них по-науке,
И любишь их не понаропку.

Какая же это обуза,
От глаз любознательных пряча,
Кормить их ночами от пузы,
Ни чем-нибудь — сердцем горячим.

Какого ещё нужно рая?
Откупоришь дверь — слава богу:
Измена приятельски лает,
Предательство трётся о ногу.

Чередование мужских и женских рифм,
Пустых и полных водочных бутылок —
И жизнь профукана, нездешняя, как миф,
И шустрая, как тоненький обмылок.

Бывает, что в термометре взыграет ртуть,
И горизонт форсируешь с разгона.
Локомотив судьбы находит скользкий путь,
Стучат страстей коварные вагоны.

И вот над женщиной, что стала не мила,
И даже не идёт в сравненье с тенью,
Конечно же, не простыня, а взмах крыла
Над наспех заправляемой постелью.

С неразберихой в сердце выйдешь на балкон,
Где со вчера в стаканах киснут вина...
И... ну, ты что, вот в этот вид влюблён? Влюблён,
И в солнце, хоть его пока не видно.

Вот наш тихий дом, где про запас
Объедались бытом до икоты.
Где, почти что молится за нас
Дева с ширпотребовской иконки.

Где живём, как люди, не тужа,
Не любя, не балуя друг друга.
Что ж, идём, обрыдлая душа,
В наш уютный и угрюмый угол.

Вечер. Значит пончик и чаёк.
Телевизор. Дикторские перлы.
Ну, ложись. Сегодня твой черёд
К стенке отворачиваться первой.

ДРУЖБА

Мой друг декламирует стих: что любить не просто,
Что чувство потери привык он глушить спиртным.
А в жизни, я насмерть влюблён, но она спит с ним.
Поэтому с текстом согласен, но пью без тоста.

Не важно, что только недавно мы дружим тесно.
При встречах мы с ним говорим... ну, почти про всё.
Украдкой смотрю на неё, чтоб он не просёк,
И делаю вид, будто слушаю с интересом.

Закончив читать, он обнимет её. Даэтом
Они подбивают меня что-нибудь слабать.
Отнекиваюсь, мол, давно не пишу, slabak.
Не портить же дружбу, читая им всё вот это.

Сколько раз я тебя предавал
И всегда мне сходило с рук.
Если верить твоим же словам,
До сих пор я твой лучший друг.

Как бы ты обо мне хлопотал,
За оплошность себя кляня,
Если б знал, как твоя слепота
Унизительна для меня.

Ты пошёл по моим бы стопам:
И в коварстве бы сбился с ног,
И с моей женою стал спать,
Чтобы не был я одинок.

Берёза щупает рассвет,
Как будто встреча их впервые
Произошла, и дождевые
Он сбросил облака. Раздет

На весь простор, стоит красив.
Она же, вся дрожа, двоится.
Что в голове её творится?
А ну, попробуй-ка, спроси.

Его мужскую наготу,
Вдруг оттолкнёт... и пожалеет.
Скрепит, печалится, желтеет.
И стыдно, и невмоготу.

Бог прозрачен. Цели нет.
На душевной целине
Вера тощая пасётся.

От обид оглох, ослеп.
Смерть, как тень, спешит во след,
За идущим против солнца.

Прокутил свою казну,
С мотылька пыльцу слизну –
Вот и сыт. Не надо Рая.

Будто после коньяка,
Неудобно, кое- как
Разлеглась земля родная.

И над ней, паря века,
Любят наши облака
Вырабатывать потёмы.

А земля глотает след,
Оставляя, как завет,
Бездорожье для потомков.

Как черви ластятся к земле,
Всем телом огибая мусор,
Сверяясь с непонятным курсом,
И различая свет во мгле,

Так мы с тобой живём, струясь
Вдоль выбоин в асфальте старом.
Нам этот мир достался даром:
И дождь, и немощность, и грязь.

И мы с надеждой на успех
Спешим, пока глупы и юны,
Попасть под колесо фортуны,
И даже пикнуть не успеть.

БЕССОННИЦА

Хлещет ночь в пробоину окна.
Рваный сон ушёл в пучину кофе.
На небесном знамени луна,
Как Весёлый Роджер, только в профиль.

Что ж, бери меня на абордаж.
Выгребай из памяти пиастры.
Раз такой пиратский антураж –
Значит бой. Тяжёлый и прекрасный.

Аушу зацепил печали крюк.
Можно всё, когда такая рана:
Резать колбасу, не вымыв рук;
Хладнокровно воду пить из крана.

Здесь за меня ручается ручей.
Любая ель подаст на счастье лапу.
И небеса при помощи лучей
Откроют в сердце неизвестный клапан.

Уже не кровь по жилам побежит,
А муравьёв весёлая бригада.
Я буду жить, но по-другому жив,
Как будто смерть мне больше не преграда.

И никогда мне не случится впасть,
Ни в веру, ни в духовное растленье.
Ненасыщаемой природе в пасть
Я лягу перекусенным растением.

И вновь очнусь под арками корней,
Чтоб течь ручьём среди опавшей хвои,
И путника, припавшего ко мне,
Избавить от сомнений, как от хвори.

Если, как мёртвые, доблесь и вера остынут,
Выйди на кладбище. Встань и замри.
Видишь: надгробий титановые пластины
В бронежилете крещеной земли.

С жухлой эмали Иванычи да Петровны
Смотрят и чуют в тебе свой оплот.
Помни: ни капельки не отсырели патроны
В цинковых ящиках наших болот.

За листопадом перезвон
Манит напевностью глубинною,
Меняя карканье ворон
На воркованье голубиное.

Не надо думать и гадать,
Когда душа полна прощения.
Когда чуть-чуть и благодать,
И от соблазнов очищение.

И выметен из сердца хлам,
И...

Вот в такую хмарь осеннюю
Берёшь и поджигаешь храм
Во избежание спасения.

Нет ни выси, ни глубин,
Плоско, не причудливо,
Но становится другим
Химсостав предчувствия.

Та же лампа, тот же свет,
Тень от штор прибоями,
Но читаешь текст газет
Скрытых под обоями.

Жизнь до родинки видна,
Близкая, коварная,
Словно голая жена
Прокользнула в ванную.

И слетаются легки,
Прекратив верчение,
Звёзды, будто мотыльки,
На твоё свечение.

Весь островок живёт на берегу.
А рыба сговорилась: ни гу-гу.

Ни сетью не возьмёшь, ни острогой.
И даже динамит ни в зуб ногой.

Как будто в дупшу тиною плевок —
Угрюмый, параличный поплавок.

Господь, помилуй наши берега,
А то — всё янтари, да жемчуга.

Как тянулась без тебя неделя, —
Механически. Что я ни делал,
Толком ничего не удалось.

Пажити мои остались голы.
И в пыли не свёрнутые горы.
Потому, что ты хотела врозвь.

Только глупых строчек перемычки
Между нами. Не любовь, привычка,
Без которой, словно без воды.

Ты жила со мною лишь попутно,
Но раскладывать тебя по пунктам,
Будто жизнь за зря переводить.

И куда б я от тебя не смылся,
Мне не обрести другого смысла,
Кроме, как бежать к тебе опять,

И держать тетрадь наизготовку,
Чтобы снова под твою диктовку
Ничего ни в чём не понимать.

Вся наша улица молчок,
И даже пикнуть не посмей ты,
Когда, как ловкий язычок,
Торчит мелодия из флейты.

Дыханье вдетое в тростник
И пальцев взбалмошных гулянье.
Вот всё, что нужно чтоб дразнить
Уже не пылкие желанья.

Живя в сердечной глухоте,
Мы снова льнём к друг другу страстно.
И кажется, что чувства те...
И жаль, что кажется напрасно.

Я скучная книга, проспавшая суперобложку.
Я спит как попало, короче, я весь ни о чём.
Мной не забивают свои куафюрные бошки
Девчонки, чей вкус, будто шпильки, весьма утончён.

Меня прочитав, не обрящешь ни знаний, ни денег.
И текстом убогим я помыслы не вознесу.
Меня на десяток страниц без раздумий разденет
Желающая поплотней завернуть колбасу.

Но есть и во мне, где-то там, на последней странице,
Где чёртовы буквы раскисли в кофейной слюне,
Короткий абзац о прекрасном и любящем принце,
Что ломится к суженой на нереальном коне.

РОЖДЕСТВО

Седьмого января с утра
Покинул братскую обитель,
(В башке – мура, в дупле – хандра)
На мелочную жизнь в обиде.

Среди отсутствия людей,
Я встретил человека: «Аруг, ты,
Не утаи, ответь мне, где
Купить спиртное и продукты?»

И не похожий на волхва,
Скребя щеки недельный кактус,
По-русски зная лишь «вах – вах»,
Он указал мне курс и ракурс.

В глазах рябит, слюна горька.
Господь, скажи, куда мне деться?
Я шел на звездный свет ларька...
И вдруг услышал плач младенца.

Осень. Летальный исход у гусей.
Замер в окошке растрепанный дачник.
Солнце садится и смотрит косой.
В обогревателе щёлкает датчик.

Гогот гусиный дрожит на ветру.
В небе разбросаны серые комья.
Тихо смиряется с миром вокруг
Приговорённый к пожизненной коме.

Непрекращающаяся болезнь
До тошноты одуряющей грусти.
Слишком прямой оставляют порез
На облаках перочинные гуси.

Птицы исчезнут, а завтра снежок
Ловко собьёт все сомненья со следа.
Завтра лишь кинется дачник с ножом
На улыбающегося соседа.

КОЛОДЕЦ

Сползая, чокается цепь
Сама с собой.
Вот удивительный рецепт:
Облить водой

Лопатки, голову, лицо.
С горсти отпить.
И с исчезающей ленцой
Все повторить.

И станет так, что хоть пиши:
Светлым светло.
Осталось только — поспеши —
Поднять ведро...

Как жизнь твоя, грязна вода.
И что теперь?
Другой не будет никогда.
Умойся. Пей.

ПАСХА

Вспыхивая, спичка произносит: «Черчилль».
Страшный был, наверное, премьер-министр,
Если врассыпную убегают черти.
Или мыши прячутся среди канистр?

Что ж вы? Веселитесь, я вас не ругаю.
Скоротаем время в дружеском ключе.
Я ведь этой ночью тоже зажигаю,
Только свечку на пасхальном куличе.

В этом свете жизнь встаёт в тоски заплатах,
Водкою обезображенной каргой.
Если бы я не был чёрств и вдруг заплакал –
Слёзы были б приторнее, чем кагор.

От огня бликует белая глазурь.
И фитиль рассыпал красноватый треск.
Ковыряется бревном в моём глазу
Тот Кто, как всегда, Воистину Воскрес.

Во что и верилось с трудом –
Как дважды два простое:
Так просто всыхивает дом,
Который ты построил.

Так дама сердца льнёт в кровать
К вольту в чужой колоде.
Испившему воды плевать
На твой и в твой колодец.

Чем и зачем тебе помочь,
Когда тебе осталось
Смотреть, как собственная дочь
Тебя же втопчет в старость.

Будь чуть дурак, немного плут,
И верь хорошим людям,
Которые тебе не лгут,
А искренне не любят.

Увядал Пастернак.
Выцветала Цветаева.
Жизнь вокруг просто так
Разрушалась и таяла.

Не горело в огне,
И почти не поношено,
Умирало во мне
Что-то очень хорошее.

Что вело за края,
И всегда удивительно.
Без которого, я
То, что вы сейчас видите.

Ничего своего.
Сердце стало для мебели.
Нелегко без того,
Чего может и не было.

Скорей глаза строкой зашей,
И робость выгони взашей,
И сам иди, куда желаешь.
Ведь слепота твоя живая
Непревзойдённый поводырь.
Ты береги души волдырь,

Чтоб от наплыва чувств не лопнула.
Побудь дитём и остолопом.
Как не смешно, но осмотрись,
И перепутай даль и близь.
И мир покажется знакомым.
В нём бреда чёткие законы,

И пунктуальней, чем часы,
Евтерпы средней полосы.
Всё точно так же, как когда-то,
И самым страшным, чёрным датам,
Как винам, будет свой черёд.
Ну, а пока, в себя, вперёд,

Где нет, ни почестей, ни злата.

Ночь тускла, как ботинок, начищенный воском.
Копошится на привязи Змей Искупитель.
Сторожит он участка пустую полоску.
Так же дачу, с которой крадут утеплитель

Для строительства гнёзд деловые полёвки.
Где над входом стоят лампочка мёрзнет.
Где писатель свивает из строчек верёвки,
Глядя в небо, хотя там неделю как звёзд нет.

Пишет сам для себя, без мечты о доходах.
Сам себе и доверчивый царь, и предатель.
Змей некормленый тихо ложится у входа,
Аэрируя воздух огнём благодати.

Шепчет Змей на одном из небесных наречий:
«Плохо пишет хозяин. Дурак, не проспится.
Но, с другой стороны, он лишь сын человечий,
Пусть простится ему всё, что может проститься».

ДЕД

Сосновый парк с иголочки одет.
И шамкает ногами дряхлый дед
Скрипучую дорожку из отсева.
И солнце собралось идти налево.
Стоит кустарник всяческих пород
И смотрит, приоткрыв цветущий рот,

На то, как дед легонечко присев,
Просыпал из штанов своих отсев.
Потом пошёл, и все довольны дедом.
И тень его бежит вприпрыжку следом
С вином в руке – легка её рука –
И цель ясна, как Пушкина строка.

К нему летят на праздник комары,
Хоть он черней космической дыры.
Ему наедине с собой привольно.
Стекает свет с немытой головы,
Струяясь, теряется среди травы,
И мурашкам раздавленным не больно.

Не знаю куда, но куда-то иду я.
Умный вид, как важную работу делаю.
Эй ты, ёлка, у тебя вся спина белая,
Обернись. Не веришь? Ну, и дура.

Мороз материализует дыханье.
Зубы мелочи скрипят во рту бумажника.
И от меня, выглядящего неважненько,
Пахнет вдохновения духами.

Восторга с похмельем перетасовка.
Смешно, что в душе только глупостей залежи,
Что жизнь на самом-то деле такая же,
Как в этой неудавшейся зарисовке.

До осени, не позванный никем,
Скучал один, а говорили; где то
Маслята выросли на грибнике –
Такое праздничное было лето.

А я по телеку смотрел балет.
Реке предпочитал теченье чтенья.
А весь наш двор весёлым заболел:
Как побывал в опасном приключенье.

С моей любимой бегали в кино
Арзуя, а я выдумывал проекты...
Лишь по ночам я брал топор и нож...
Но стоит ли рассказывать про это.

Грохнешь об пол сердце, посмотри на скол;
В нём сочатся жилки жёлтою тоской.

В нём начинка чванства и труда труха.
Ни добра не выпечь, ни извлечь греха.

Пахнет острой болью каждый рваный нерв.
Что проголодался? Ешь – другого нет.

Тычь поинтенсивней вилкой под усы,
Будешь очень долго до блевоты сыт.

Плюхнись на перину завязать жирок,
И лежи, свернувшись, руки на живот.

В спячку по-медвежьи – и храни, трубя.
Всё пройдёт, не две же жизни у тебя.

Задира, высокачка, нахал.
Красив, как тонкая вещица.
Он с детства сварщиком пахал,
Его любили крановщицы.

Ему всё было ни по чём,
Причём обычно было мало.
Он зиму подвигал плечом –
Весна быстрее наставала.

«Та музыка, что дарят сны
Глубокой ночью, в полной мере
Есть только эхо тишины» -
Он говорил, и сам же верил.

И что ни праздник – на ура!
И разносил гостей по койкам.
И вот наплыли его вчера
Истёкшим кровью за помойкой.

Флиртуя с солнцем, пыль вилась.
Валялись с мусором пакеты.
А кровь красиво запеклась –
Большим подарочным букетом.

Меня облизывала ночь кошачьим языком метели,
И в перспективе фонари, совсем как самогон, мутнели.

И не было готовых фраз, чтоб что есть мочи крикнуть Богу:
«Найди забористей метель, сотри к чертям мою дорогу!».

Попутно заходя в ларьки, и полируя чем попало,
Я всё- таки Еgo просил: мне плохо, так добавь, мне мало.

Но нечто не произошло, колючий снег не бил рекорды.
И дома, пьяный, я упал на дно грошовенькой иконы.

И забывался не спеша, под тусклых снов облезлый веер.
Опять Он всё устроил так, чтоб я в него совсем не верил...

А утром солнце, типъ да гладь. Душа, как ветка, не качнётся.
Я понял, что Господь со мной и то, о чём просил – начнётся.

Травы шерстью овчинной.
Муравьёв порошок.
Сад с вишнёвой начинкой
Сдобный, как пирожок.

Скоро сумерки лягут,
Станет всё как в тени.
Много вызрело ягод –
Собирай, не тяни.

Будешь кушать варенье
Шерстяною зимой,
Под волынку стареня
Без меня, как со мной.

А вкусны и не редки
Крупных вишнен угли
На вот этой вот ветке,
Где меня и напали.

ЛЕТНИЙ САД

Букет оркестра музыкой желтел,
Чем был похож на осени придаток.
Над Летним садом вечер тяжелел.
Гуляли: кто с женою, кто — поддатый.

Вот так бы жизнь, как музыка текла.
Взгляни, осталось в солнечном колодце
Для нас двоих на донышке тепла.
Поднимем глаз холодные болотца,

Заглянем в небеса, в покой их черт.
Зачем они от нас так отдалённы?
Поймём ли мы хоть что-то, прежде чем
Сойдём в могилу спального района?

Явив то ли гнев, то ли милость,
Рукой разогнав облака,
Над прорубью мира склонилось
Худое лицо рыбака.

Он ловко разматывал снасти
И в воду лукаво смотрел
На наши придонные страсти,
На чушь несущественных дел.

Лучился всевидящим оком,
Когда, плавники распластав,
Испуганный до смерти окунь
Спешил под корягу креста.

Из рюмок-лампочек бухают черти свет.
Становится темно и сходит жизнь на нет.
Безвыходность стоит, как в горле горький ком,
И спину холодит нездешним ветерком.

И постепенно начинаешь забывать
Зачем писать, любить, желать, мечтать, страдать.
И для чего весна прожорливо журчit.
Петляют бабочки и прочие жучки.

Коль в жизни полосы одна другой черней,
Иль дружбу заведи, иль выгони чертей.
Ну, делай что-нибудь немыслимое, чтоб
Хотя бы вспомнить, что не заколочен гроб.

Осень жизни сменяется смерти зимой.
Я не знал, что она партизанит за мной,
А вчера, будто чёрную метку, снежинку

Положила в ладонь. И я понял – кранты.
Здравствуй, Смерть! Нам пора быть с тобою на ты.
Так оставь для других экивоки, ужимки.

Ты стремглав прилетела, возможно, с Канар,
Чтоб со мной повидаться в одной из канав,
И уже никогда не пустить меня к дому.

Поцелуй, хоть не пили мы на брудершафт.
Пальцы сильно замёрзли, одёрни мне шарф.
Дальше сам, ты давай-ка к другому.

«Там труп, нафаршированный червями», –
Сказал я у могильного холма.
Мы друга поминали под салями.
Над нами кочевряжилась зима.

Арузья сказали, что не стоит, зря ты,
И что нехорошо о нём вот так,
Что он был лучше всех нас вместе взятых,
Он дрался за тебя, а ты – аурак.

И завязалась между нами ссора.
Я всех послал, вы знаете куда,
Ведь мне известно из какого сора,
Поэтому не ведаю стыда.

СОН

Шерстью шепота покрыта тишина,
Что совсем в моей квартире одичала.
Будто призраков стальная седина,
Душит неизбежного начала.

Смерть и Жизнь бросают жребий. Запеклась
На хитонах полоса дневного света...
...Я проснулся. Резанула глаз
В воздухе сверкнувшая монета.

Просто я другое дерево.
Г. Поженян

От ветра себя не укрыть, ни вороне, ни голубю –
Берёза раздета. Рахитных суставов клише.
Вот так же с досадою смотришь на женщину голую,
Которая в юбке и блузке была хорошей.

Других одевают по моде в извёстку гашёную.
Извёсткой твоей некрасивости не изменить.
Ты лучше забудь про моё обожанье трошковое,
Небрежным касанием руки говорю – извини.

Я сам по себе, ты сама... Вот такая ботаника.
Привычный удар топора, ты пропала, я – пан.
Зима. За стеной снежинок растрепанных паника.
В печи безупречно красив твой разрубленный стан.

Насекомых планктон сквозь китовую пасть радиатора
Цедит целую ночь неприкаянный автомобиль.
И мотор монотонен, как речи плохого оратора.
И в руке на руле дотлевает табачный фитиль.

А машина кружит, то с асфальта свернёт на грязевую,
То найдёт чёрте что, и, конечно, поедет по ней.
И водитель не пьян, хоть прикончил уже пол-литровую.
Фотография мёртвой жены закрывает панель.

А когда завершится дежурство у лунного сторожа,
Скромно в зеркало заднего вида заглянут лучи.
Он почти успокоится, и пробормочет: «Какого же,
Я недавно ведь был на ТО, а подвеска стучит».

Сколь сухожилия не труди,
Не вспоминай Завет –
Пули слетятся к твоей груди,
Как мопшка на свет.

Порванной жизни прощальный треск
Громок и некрасив.
Каждый покойник несёт свой крест.
На, заслужил, неси.

Ангел чиркнет моей головой об асфальтную серу,
Чтобы страх темноты на минуту унять.

Интересно за что? Не за добрую жизнь, не за веру,
Может быть, с перепугу он выбрал меня,

Чтоб увидеть людей, изумлённых, не близких по духу,
Заражённых чумой своего галдежа?

Только я обожгу ему пальцы и вскоре потухну.
Он отступит во тьму. Я останусь лежать.

А на Страшном Суде я услышу: «... нет места коварней.
И хоть лоб расшиби, не поймёшь, что да каю».
И покажет крылом в мою сторону – «Знаете парни,
Вы не очень-то дрючьте этого чудака».

Многие снимали шляпы — типа мэтр.
Столько книг и все завистникам назло.
От его стихов почти на километр
Бешеною неповторимостью несло.

Родину он изучал не по конспектам.
Весь растратился на добрые дела.
А земля, что до травинки им воспета,
Важный гроб, не поперхнувшись принял.

Не сочилась скорбь из глаз во время тостов.
Друг в конце поминок всё-таки сплясал.
В мире всё жило и умирало просто,
И совсем не так, как он писал.

Крещение, солнышко греет на минус.
И на Иордань, как сапёры на мину,
Идёт зачарованно люд.

И пятится Дьявол, уныньем терзаем.
И крест к вдохновенной груди примерзает,
Ведь праздник прекрасен и лют.

На божью красу с изумлением глядя,
Из проруби чёртиком выпрыгнул дядя —
Рубашка, рюмашка, штаны.

У края речушки морозом облитой,
Полившейся с губ припасённой молитвой
Потущен пожар тишины.

А позже наш дядя, в дрезину, у бани
Ловил, как попало гнилыми зубами,
Зовущийся песнею стон.

Разлёгся в сугробе, но добрый апостол
Безграмотному на бумаге погоста
Не даст расписаться крестом.

КОСТЁР

Отмель ночи тесна.
В рыжеватых пластинах
Нерестится сосна –
Мечет искры-икринки.

Не в меня эта снедь.
Лоб в испарине мокнет.
Натолкнувшись на смерть,
Грудь возьмёт и замолкнет.

Солнце встанет, уже
Сможет ветер прогорклый
Волосинки ужей
Зачесать на пригорок.

И от страха сильней
Мышь, заползшая греться,
Под ветровкой моей
Будет биться, как сердце.

Похолоданье наступило,
Причём обеими ногами.
День свежий, как бревно на спиле,
И свет расходитя кругами.

Ледком помазанные лужи,
Чисты, как души перед Богом.
И если хоть чуть- чуть получше,
То это было б перебором.

Округу будто постирали,
И нет желания прочней,
Чем быть деталю пасторали,
И жить, и затеряться в ней.

Репутация неба запятнана звёздами.
Путь за пивом. О корни цепляются треники.
Эта местность ночами опасна берёзами,
Потрошашими жалких людышек на веники.

Сам себя развлекаешь до дури страшилками:
Все умрём, так сказать, ничего интересного.
Но боишься умом, и трепещешь поджилками,
И не можешь представить себя вне телесного.

Дача, скука – невообразимо затрахали.
Вот идёшь, и под спрятанных птиц междометия,
Забывая стареть, не считаясь с затратами,
Не спеша, сам собой, обретаешь бессмертие.

ДЕТСТВО

Резвятся листья до упада
Над полинявшим козырьком.
Смешно в бутылке лимонада
Моргают глазки пузырьков.

Глоток — по языку вприпрыжку
Бежит воздушная вода.
Сегодня я богатый слишком,
Ну, прямо так, как никогда:

Пылинок дорогой наборчик
В футляре замшевом луча,
Я ветру подарю, чтоб ночью
Он без меня не так скучал.

Сад настолько неправдоподобно фруктов
И щебетлив в ограде из лоз и из камня,
Что похожи на пойманных в банку кротов,
Все мои поэтические изыскания.

Душу комкаю, будто сопливый платок,
От обиды вот-вот слёзы брызнут рекою...
Но берёт меня яблоня за локоток:
Что насупился? Утро, смотри-ка, какое.

Лижет постный свет под раструбом плафона
Ясень, сторожащий привокзальный парк.
Электричка громко ляжет вдоль платформы,
Освистав устало смолкнувших собак.

В полуутёмных окнах мутно, как в утробе.
В позе эмбриона сладко спит рыбак.
А меня октябрь своим дождем угроbit,
Ладно бы за дело, а ведь просто так.

Я вошёл. В вагоне хлюпает прохлада.
Сон вокзала свистом вновь распотрошён.
Не туда мне надо, ну, а впрочем, ладно,
Рельсы знают, где мне будет хорошо.

Мне жизнь таланта нацедила,
Как будто бы украла, но
В тупом порыве рецидива
Я ставлю музу на перо.

Я беспощаднее, чем урки,
И мне привычно наблюдать,
Как фиолетовые струйки
Кровавят старую тетрадь.

Иная жизнь – тоска, пустышка.
Как самый радостный удел,—
Корячится бессмертья «вышка»
За парочку нетленных тел.

После праздников на теле произведена уборка.
Обнаружено: кроссовки (пара), джинсы и футболка.
В телефон жене пропета старая скороговорка.

Голова напоминает грубо взбитую перину.
Лицо, от хорошей игры, корчит плохую мину.
Что-то, неужто совесть, колет в боку и отдаёт в спину.

Выйдешь на улицу, весь – эссенция лукового горя,
И умилишься: воробушки ангелам вторят,
И дети бегут по волнам футбольного моря.

Радостно взвизгнет у остановки автобус,
И над листвой, где ветер проводит обыск,
Материки облаков на небе синем, как глобус.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Будильник мне сон ампутирует,
Здоровый и крепкий ещё...
Умоюсь, обшарю квартиру и
Найду пару пива с лещом.

Испробовав золото солода,
Смотрю, вдохновлённый весьма,
Туда, где в халатике холода
Лежит молодая зима.

Овсяна чуткой дремотою,
Сама вся под стать миражу.
И снова пойду на работу я
Тихонечко. Не разбужу.

АНГЕЛ ОСЕНИ

Лозы ветра оплетают колоннаду перелеска,
И земля не прекращает души листьев залучать,
И какой-то тихий гений, с произвольного отрезка,
Что-то грустное играет нам на дудочке луча.

Он затихнет, нас увидев. Он в своём репертуаре.
И на просьбу: «А продолжить?» Он ответит: «Не сейчас». Бережно погасит лучик, спрячет в сереньком футляре,
И стыдливо растворится, лёгким сумраком сочась.

Мы вернёмся в город рано и в грязи шумов утонем.
Позабыв о том, что было. Дудка? Лучик? Ерунда!
Но проникнет в разговоры незаметным тонким тоном
То, что если и умолкнет, только с нами, навсегда.

НА ДАЧЕ

Я там, где солнце прячется в кювете,
Где разбредясь среди домишек сонных,
Деревья мне показывают ветер,
Кривляясь с мастерством умалишенных.

Где лишь метелей хитрые затеи,
Сугробы у аверей дошли до ручек.
И еле жив, горит, во мне затерян,
Слепого счастья тонконогий лучик.

Я там, где быть порой необходимо,
Чтоб изумляться тягостным красотам,
Чтоб хоть дрожащим пальцем струйка дыма
Грозила нависающим высотам.

ВЕСНА ИДЁТ

Солнца шар с утра надут,
В парке шепчутся скульптуры,
Крепкий стариакашка дуб
Хвастает мускулатурой.

Синь прозрачна, как боржом,
В дырах луж лежат дорожки.
Перед пьяненьким бомжом
Черти начищают рожки.

Но зиме не отойти
От забот. Позёмку стелет.
Нарезает ассорти
Из капризов и истерик.

Лишь приезжий стихоплёт,
В городе пургой объятом,
Слышишь, как весна идёт
Где-то рядом, где-то рядом.

ПРИШВИН

В доброй улыбке к друзьям и врагам
Волю давая губам,
Он шёл по лесу, и лоси рога
Вежливо гнули к грибам.

С деревом каждым и каждым цветком,
С каждой зверюшкой знаком.
Как же, с утра насладившись медком,
Сердце держать под замком?!

Он любит всех. И его любят все.
Ветер ему напевал,
Что хорошо в златокудром овсе
Сделать хороший привал.

Вкусных бескрайних овсов полотно
Бог для меня расстелил,-
Так медвежонок подумал бы... но
Пришвин его застрелил.

МИЛАЯ РОДИНА

Из-за острова на стержень
Моего карандаша
Выползала речка. Сдержан
Спор гусиный в камышах.

Я вчера там был и видел,
Что в глупши той ни души.
В пепельницах местных мидий
Тлеющий табак тушил.

Расстился луг ковровый,
Дуб светился словно князь,
И дремучие коровы
Реку пили, наклоняясь.

И без бабской перепалки,
В ил встревоженный маня,
Заповедные русалки
Жадно трогали меня.

Река пропахла осенью до нитки –
Так робы ткань пронизывает пот.
Её поверхность полирует плот,
На нём вкушают крепкие напитки.

Как будто бы себя от взглядов пряча,
Река ползёт проворней, чем сапёр.
И не одна Татьяна с давних пор,
В ней утопила голову, как мячик.

В ней лошади устраивают танцы,
А там, где берег тиной не зарос,
Её имеет гаденький насос,
Не по любви, а так по-дилетантски.

Река до старости пребудет девой.
Хотя уже не счесть её проказ.
Ей ничего не стоит лишний раз
Сбежать от нас, за омутом, налево.

Невзрачное утро, лишенное чар,
Мой глаз ковырнёт открывалкой луча.

На тонкий сквозняк намотает ресницу
И выдернет всё, что могло бы присниться.

Ну, здравствуй рубашка, окно, кофеёк.
Галетного скверика скудный паёк.

Весна притворяется женциной томной,
Которую выгнали на хрен из дома,

И вот она смотрит загадочно вдаль...
А мне остаётся достать инвентарь

Для старой игры без партнёров и правил,
В которой на кон все, что было поставил.

Игра ни во что: то ли в жизнь, то ли в речь.
Но, всё-таки, стоит каштановых свеч.

Дождём намытое безветрие.
Стволов неудержимый взлёт.
Я закукован до бессмертия,
А что поделаешь – везёт.

Всё в жизни правильно и здорово.
И Солнце над березняком,
Где все тропинки, будто в сговоре,
Приводят к счастью пряником.

Промокли кеды в тёплых лужицах.
Спешу к бабуле на блины...
Не зная ничего об ужасах,
Вчера начавшейся войны.

ГЛУШЬ

Ветер тучи тянет волоком,
Увязая в колее.
Над часовней держит колокол
Звона тонкое колье.

Кто-то щедро раскошелился
На звонки на небеса,
В день, когда бардовым шелестом
Накрываются леса.

Здесь не чопорная Англия,
Здесь, застигнуты врасплох,
Друг у друга ищут ангелы
Всяких перелётных блох.

Здесь для пущей композиции
Есть лесник : усы – рыжёй.
Он, прищурившись, грозится им
Незаряженным ружьём.

Эта местность славна нравами
Тихими. И без ста грамм
Слышино: хлюпкими канавами
Чудеса крадутся к нам.

Сливовый полумрак. Со снегом пополам
Прочесывает дождь округу.
Затеплив огонек в семьсот отрадных грамм,
Я пригласил скучающего друга.

Мне чистоплотный ангел душу подметал:
То веник в ней мелькал, то тряпка.
Как будто это он прихода друга ждал,
А в комнате не находил порядка.

Когда же стало на душе белым бело,
Он крыльями взмахнул устало...
...И до утра оброненное им перо,
На выдохе мне горло щекотало.

ПТИЦА

Птица делает в полёте чудеса.
Птице по колено небеса.

То достанет крылья, то назад в чехол,
Птице ли не знать когда чего.

Птица лишь на несколько процентов плоть.
Птицу пилотирует Господь.

Птица делает на облаке привал,
И хотела на всех нас плевать.

Птица только притворяется простой,
Птица кормит сердце красотой.

Птица то туда-сюда, то никуда,
Птица бесконечно молода.

Птица может и нагадить на плечо,
Но, и то к деньгам, а так-то чё?

Хочется взамен паренья во спиртах
Внутреннюю птицу воспитать.

Потому что птица есть не только дичь –
С птицей можно многого достичь.

ВО ДВОРЕ

Тумана дряблая шинель,
Хрущевки плечико костлявое,
И в еле слышной тишине
Есть что-то шепелявое.

Попросит несколько монет
Глухонемая встречная,
И тишину сведёт на нет
Изнанкой красноречия.

На стекле холодов хохлома.
Еле видно деревьев огарки.
Скучный день продолжает хромать.
И не вызреет солнца хурма.
Ставит мёртвому парку припарки
В санитарском халате зима.

А в квартире встаёт на дыбы
Тишина перед мысленным взором.
Тень боится своей худобы.
И на кладбище книжном - гробы.
И обходит владенья дозором
Суeta неказистой судьбы.

Смерть во мне коготочком косы
Увязает, как птица в ловушке.
Простота её дикой красы
На ходу усмиряет часы.
Замирает растенье в кадушке
Под ремнём световой полосы.

Выхожу на мороз, обмануть
Жизнь, растрескавшуюся как губы.
И не страшно, что мехом вовнутрь
Мне пошита ежовая шуба.

На пороге, перед рассветом, у края: Химсостав предчувствия

Всякий поэтический сборник есть срез времени жизни автора, личной и творческой, единственной его жизни. Двигаясь, как по кольцам, по его воспоминаниям и прозрениям, читатель удостаивается чести приобщится к этой жизни борений и бессилия, там, где она нежнее и честнее всего – в сердцевине. «Химсостав предчувствия» – пятая книга петербургского поэта Игоря Лазунина – щедро предоставляет читателю возможность оказаться в эпицентре реакции ума и сердца со временем и пространством жизни человека в мире. Как в том, который разделяет автор со всеми современниками, так и в том, каковой остается за гранью любого изложения. То, закрытое от всякого проникновения извне, неповторимо индивидуальное, ежедневное и извечное существование человека «наедине с собой»¹, какое обычно бывает источником всякого творчества. Там, где мы признаемся в ошибках, где переживаем будущие победы и сокрушаемся о поражениях. Там, где мы не скрываем ни возраста, ни настроения, ни желаний. Поэзия – удивительный ключ к этому миру, а в данной книге мы, без сомнений, имеем дело с поэзией.

В этом небольшом послесловии читателю будет предложено рассмотреть чередование тем, возникающих в стремительном процессе «предвидения», совпадения миров. Auctor² разворачивающейся картины, первыми словами обозначает время действия. Это период «междуцарствия», отсутствия движения, когда «все, что может делаться, не делается лучше».

1 см. Marcus Aur.

2 лат.- виновник, устроитель, сочинитель.

Перспектива неясная, ретроспектива безрадостная. Все это перебивают, торопя друг друга, отзвуки историй любви, не то еще сохраняющих различия, не то слившихся в одну, бесконечно прошлую, но не отпускающую ни на минуту.

«Пережив боязнь и восхищенье, как я наши чувства воскрепшу?»

«Мое ты ненаглядное пособие по вере в то, что счастье есть.»

«Что ты не лучше чем другая, чтоб я быстрее разлюбил.»

«Чтоб неразлучными оставаться впредь, бояться,

ненавидеть и терпеть.»

Треть книги за спиной и перед читателем философская лирика, с нагнетанием смысла и захватом все более глубоких слоев понимания, продолжающая сборник до конца. Отчаяние героя плавно переходит в созерцание периода жизни человека, существования страны, вечности незримого и собственной недолговечности. Природа отмеряет человеку зимы и лета, небесные силы призывают к отчету о сделанном, видится граница и нет уверенности – что за ней? Спокойствие болезненно, но светло и пестуемо. Награда – истина.

«Нет ни выси, ни глубин,
Плоско, не причудливо,
Но становится другим
Химсостав предчувствия»

Множество открытий ждет после этого. То будет непроглядно темно:

«Как жизнь твоя, грязна вода.
И что теперь?
Другой не будет никогда.
Умойся. Пей»,

то высоко и ясно:

«...И самым страшным, черным датам,
Как винам, будет свой черед.
Ну, а пока, в себя, вперед,

Где нет ни почестей, ни злата »

Герой проходит путь от борьбы с судьбой к примирению со смертью. Ближе к концу сборника он научается просто и благостно видеть красоту мимолетного и непрекращающегося течения жизни. Мы видим весну и осень, дожди и солнце, небеса и леса.

«Река до старости пребудет девой.
Хотя уже не счесть ее проказ.
Ей ничего не стоит лишний раз
Сбежать от нас, за омутом, налево».

Слова вновь обретают смысл и герой готов вновь:

«Для старой игры без партнеров и правил
В которой на кон все что было поставил.

Игра ни во что: то ли в жизнЬ, то ли в речь.
Но все-таки стоит каштановых свеч».

И все это для того, чтобы обрести внутри себя птицу, которая «бесконечно молода», чтобы стало совсем «не страшно». И тебе, читатель!

Савина К.И.

СОДЕРЖАНИЕ

«Зима быстрее копится...».....	7
«Парк. Неземная погода...».....	8
«Мы счастье раздобыли...».....	9
«Прямо над улочкой узенькой...».....	10
«Твой нимб не виден в свете фонаря...».....	11
РАСТРЕПАНЫЙ СТИШОК.....	12
«Нас выдавал сверчок дверной петли...».....	14
ПОЗДНИЙ УЖИН.....	15
«Я хотел бы с тобой погулять по замёрзшей реке...».....	16
«Как жук лежащий на спине...».....	17
«В спину скомканной газетой...».....	18
«Под лёд, как будто под сукно...».....	19
«Стояла, нага и проста...».....	20
«Я сам люблю всегда на зеркало пенять...».....	21
«Улыбка натянута будто капрон...».....	22
«Пережив боязнь и восхищенье...».....	23
«Нас не дождутся книга и вязанье...».....	24
«Не психовала, не била тарелки...».....	25
«Прям для кунсткамеры рождён...».....	26
«Захлебнулись в порыве молчанья...».....	27
«Сердечен был грозы размах...».....	28
«Залихватская девочка, ты выкидным язычком...».....	29
«Ты долгожданная, из всех особая...».....	30
«Мы ломали комедию, словно детишкы игрушки...».....	31
«Мой умный ангел, ниспопли...».....	32
«Я к тебе обращаюсь на Вы...».....	33
«Вдали Нева облизывает крепость...».....	34
ЛЮБЛЮ.....	35
«Чередование мужских и женских рифм...».....	36
«Вот наш тихий дом, где про запас...».....	37

ДРУЖБА.....	38
«Сколько раз я тебя предавал...».....	39
«Берёза щупает рассвет...».....	40
«Бог прозрачен. Цели нет...».....	41
«Как черви ластятся к земле...».....	42
БЕССОННИЦА.....	43
«Здесь за меня ручается ручей...».....	44
«Если, как мёртвые, доблесь и вера остынут...».....	45
«За листопадом перезвон...».....	46
«Нет ни выси, ни глубин...».....	47
«Весь островок живёт на берегу...».....	48
«Как тянулась без тебя неделя...».....	49
«Вся наша улица молчок...».....	50
«Я скучная книга, проспавшая суперобложку...».....	51
РОЖДЕСТВО.....	52
«Осень. Летальный исход у гусей...».....	53
КОЛОДЕЦ.....	54
ПАСХА.....	55
«Во что и верилось с трудом...».....	56
ХОРОШЕЕ.....	57
«Скорей глаза строкой запшей...».....	58
«Ночь тускла, как ботинок начищенный воском...».....	59
ДЕД.....	60
«Не знаю куда, но куда-то иду я...».....	61
«До осени, не позванный никем...».....	62
«Грохнешь об пол сердце, посмотри на скол...».....	63
«Задира, выскочка, нахал...».....	64
«Меня облизывала ночь кошачьим языком метели...».....	65
«Травы шерстью овчинной...».....	66
ЛЕТНИЙ САД.....	67
«Явив то ли гнев, то ли милость...».....	68
«Из рюмок-лампочек бухают черти свет...».....	69
«Осень жизни сменяется смерти зимой...».....	70

«Там труп, нафаршированный червями».....	71
СОН.....	72
«От ветра себя не укрыть, ни вороне, ни голубю...».....	73
«Насекомых планктон сквозь китовую пасть радиатора..».....	74
«Сколь сухожилия не труди...».....	75
«Ангел чиркнет моей головой об асфальтную серу...».....	76
«Многие снимали шляпы – типа мэтр...».....	77
«Крещение, солнышко греет на минус...».....	78
КОСТЁР.....	79
«Похолоданье наступило...».....	80
«Репутация неба запятнана звёздами...».....	81
ДЕТСТВО.....	82
«Сад настолько неправдоподобно фруктов...».....	83
«Лижет постный свет под раструбом плафона...».....	84
«Мне жизнь таланта нацедила...».....	85
«После праздников на теле произведена уборка...».....	86
СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА.....	87
АНГЕЛ ОСЕНИ.....	88
НА ДАЧЕ.....	89
ВЕСНА ИДЁТ.....	90
ПРИШВИН.....	91
МИЛАЯ РОДИНА.....	92
«Река пропахла осенью до нитки...».....	93
«Невзрачное утро, лишенное чар...».....	94
«Дождём намытое безветрие...».....	95
ГЛУШЬ.....	96
«Сливовый полумрак. Со снегом пополам...».....	97
ПТИЦА.....	98
ВО ДВОРЕ.....	99
«На стекле холдов хохлома...».....	100
На пороге, перед рассветом, у края: Химсостав предчувствия. <i>Савина КИ</i>	101

Игорь Лазунин

Химсостав предчувствия

СТИХИ

Санкт-Петербургское отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
191119, Звенигородская ул., д.22

Тираж 300 экз., Формат 70x100 $\frac{1}{32}$
120x160 мм, стр, илл., объём 3,5 п. л (108 стр.)
Печать офсетная Заказ № 1849

Отпечатано в ООО «Контраст».
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38.
Тел.: (812) 677-31-19. E-mail: ooocontrast@yandex.ru